

Джулиан Барнс

ГЛЯДЯ НА СОЛНЦЕ

ИСТОРИЯ МИРА
В $10^{1/2}$ ГЛАВАХ

АНГЛИЯ, АНГЛИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
STARING AT THE SUN
Copyright © 1986 by Julian Barnes
A HISTORY OF THE WORLD IN 10 1/2 CHAPTERS
Copyright © 1989 by Julian Barnes
ENGLAND, ENGLAND
Copyright © 1998 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского
Владимира Бабкова, Елены Петровой, Светланы Силаковой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-32715-3

© В. О. Бабков, перевод, 1994
© Е. С. Петрова, перевод, 2026
© С. В. Силакова, перевод, примечания, 2001
© З. А. Смоленская, примечания, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

О РОМАНЕ «ГЛЯДЯ НА СОЛНЦЕ»

Блестяще... поразительное литературное открытие. Мистер Барнс — в авангарде новой волны британской прозы, что захлестнула мир.

Карлос Фуэнтес (The New York Times Book Review)

Барнс владеет редким инструментарием, который позволяет ему с юмором и элегантностью раскрыть любую тему.

Financial Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков. Ему присущи удивительная многогранность, блестящее остроумие — и превосходное чувство иронии, которое скрепляет его неординарные творения воедино.

New Republic

Джулиан Барнс — один из небольшой плеяды британских романистов-новаторов, которым удалось вытащить английский роман из провинциальной колеи, где тот было застрял.

Newsday

Книги Барнса — это гимн человеческому воображению, сердцу, неистовому разнообразию нашего генофонда, наших деяний, наших наваждений. Они щекочут нам ум и чувства, и Барнс добивается, без трюков и каламбуров, того, что так ценил Набоков, — эстетического наслаждения.

Chicago Sun-Times

Барнс не только виртуозно развлекает читателя, но и обращается к нему с серьезными моральными вопросами; самые мрачные стороны предательства и боли он демонстрирует с тем же блеском, что и фарс сложных любовных перипетий, и столкновение характеров.

The New Yorker

Мало кого так приятно читать в наши дни, как Джулиана Барнса.

Chicago Tribune

Джулиан Барнс показывает нам, чего может добиться независимый сильный писательский голос, решительно отбрасывая костыли современной прозы.

Philadelphia Inquirer

О РОМАНЕ «ИСТОРИЯ МИРА В 10½ ГЛАВАХ»

Игриво, остроумно и крайне занимательно.

Джойс Кэрол Оуэс (The New York Times Book Review)

Блестящий, уморительный, глубокий роман, не признающий авторитетов, — и просто восхитительное чтение.

Салман Рушди (Observer)

Этот ироничный роман смешит вас и удивляет, поражает эрудицией и не боится прыгнуть за борт, в пучину горя и утраты. Книга года однозначно.

Надин Гордимер

(лауреат Нобелевской премии по литературе)

Шуток и пицци для ума и сердца здесь больше, чем дал бы целый месяц, наполненный только воскресным чтением. Барнс пленяет вас и дарит вам свободу, но главное — очаровывает.

Financial Times

Барнс поистине ослепляет.

Los Angeles Times

С этой книгой читатель должен держать ухо востро.

The New York Review of Books

Если вам хочется перечитывать «Историю мира в 10½ главах» опять и опять, что ж тут такого? Барнс опередил собратьев-литераторов на световые годы.

Literary Review

Поразительно... не роман, а чистейшей воды бриллиант.

Chicago Sun-Times

Совершенно уникальный роман, поистине лишенный аналогов... чистая, незамутненная радость для читателя, который истосковался по новому.

Guardian

Каждая глава здесь еще и упражнение в стиле. Барнс словно бросает вызов литературе; он, кажется, поставил себе цель — создать книгу, используя все возможные стили и приемы письма, и его метод в данном случае отлично работает на главную идею — заставить нас, читателей, взглянуть на историю иначе, под неожиданным углом, не как на строгую, облаченную в кожаный переплет энциклопедию, где все события разбиты на параграфы и пронумерованы, но как на хаотичный набор слухов и домыслов, рассказанных случайными свидетелями (как тут не вспомнить поговорку «врет как очевидец»?).

Gorky.media

О РОМАНЕ «АНГЛИЯ, АНГЛИЯ»

Восхитительно... разит наповал... Барнс пленных не берет.

Independent

Барнс не только самый умный игрок на нашей литературной сцене, но, как показывает «Англия, Англия», еще и самый трогательный.

Sunday Times

Блестящая фантазия, достойная пера самого Свифта.

Economist

Здесь не только искрометная сатира, но и убийственно точный анализ нашей зависимости от иллюзий.

Wall Street Journal

Острейший, самый пряный роман о том, как измельчала Англия.

The Times

Редкие авторы мыслят и выражаются настолько пленительно.

Independent on Sunday

Сатира в своем лучшем проявлении.

The New York Times Book Review

Исполненное лукавosti социально-философское размышление.

Chicago Tribune

Мастер интеллектуального юмора, наделенный редкой культурной наблюдательностью.

Newsday

Джулиан Барнс написал первую классическую антиутопию XXI века. С блестящим остроумием он препарировывает одержимость современного мира имитациями.

The Christian Science Monitor

Сюжет развивается с точностью хорошо отлаженного механизма, и постепенно понимаешь, что за всеми интригами, самокопанием и элегантною сатирой кроется нечто большее, чем возмущенная ирония: «Англия, Англия» выражает, пусть и не без оговорок, веру в то, что подлинно.

Milwaukee Journal Sentinel

Обхохочешься.

Los Angeles Times

После десятков корявых, слюнявых, невнятных и убитых переводом романов редко попадаетея мне книжка, о которой я грезил, бывало, по полгода — Блистательный Английский Роман. Вот он — остроумный, легкий, трогательный, изумительно сложенный и мало того что английский, так еще

и про самую суть английскости (впрочем, все Блистательные Английские Романы — про это). «Англия, Англия» — настольная книга англофила, энциклопедия мифов об Англии, ревизия английскости, убийственно остроумная и феноменально точная... «Англия, Англия» — это еще и маневр вдоль берегов англоязычной литературы, в ходе которого изо всех орудий обстреливаются не только Шекспир, «Озерная школа» и прочие теннисоны, но и Джойс, например. Да-да, «Англия, Англия» — еще и английский «Улисс», причем гораздо остроумнее ирландского. Все осталось по-прежнему со времен Стерна — тотальное доминирование в мировой литературе. Правь, Британия, морями.

Лев Данилкин (Афиша)

Я очень рад, что роман «Англия, Англия» стал актуальным в 2016 году. Я написал его в 1998-м как предостережение или подарок с ядом для моей страны к миллениуму. Посмотрите, во что вы превращаетесь! Это относилось не только к Англии, конечно. Если вы прогуляетесь по улице в центре любой европейской столицы, вы увидите одни и те же магазины, очень сходные житейские привычки. Европа гомогенизируется, становится однородной. Конечно, если это цена за то, чтобы не было больших войн — а их не было с 1945 года, — то ее стоит заплатить. Но есть ощущение, что в ответ на гомогенизацию старые европейские страны создают разные тотемы национальности и оригинальности, как бы показывая, что нет никакой гомогенизации. Смотрите, у нас есть крикет, Биг-Бен и «Битлз»! Все остальное — не имеет значения, самообман!

Джулиан Барнс

О ДЖУЛИАНЕ БАРНСЕ

Обожаю Стивена Кинга. Он пугает меня до усрачки. А еще я очень люблю Джулиана Барнса — и это совсем, совсем другое дело.

Дэвид Боуи

Барнс всегда умен, часто оригинален и неповторимо ироничен.

Уилл Селф (The Times)

Джулиан Барнс всегда больше напоминал французского философа, чем британского писателя.

Catholic Herald

Как это часто происходит с изящной (во всех смыслах) прозой Барнса, читатель постепенно вынужден усомниться в своих первых впечатлениях, в очевидных выводах, да и в самих событиях, как будто составляющих базовую сюжетную канву.

Financial Times

Каждой своей новой книгой Барнс будто меняет правила игры.

Oldie

Случилось вот что. Безветренной непроглядной ночью в июне 1941-го пилот-сержант Томас Проссер занимался свободной охотой над севером Франции. Его истребитель «Харрикейн II-B» был выкрашен в черный камуфляж. В кабине красный свет от приборной панели мягко падал на лицо и руки Проссера; тот весь алел — этакий мститель. Летел он со сдвинутым назад фонарем кабины, высматривая на земле аэродромные огни, а в небе — горячее свечение выхлопа бомбардировщика. В течение предзакатного получаса можно было ожидать появления «хейнкеля» или «дорнье», возвращающегося на домашний аэродром от какого-нибудь английского города. К этому времени бомбардировщик должен был бы обойти стороной зенитные батареи, избежать прожекторных лучей, вернуться от аэростатов заграждения, а также от ночных истребителей и выровняться, а экипаж мог уже помечтать о горячем кофе с терпким цикорием, со скрежетом выпустить шасси — и получить по заслугам от свободного охотника.

Той ночью охота прошла впустую. В 03:46 Проссер взял курс на базу. Французское побережье он пересек на высоте восемнадцати тысяч футов. Возможно, от разочарования он более обычного припозднился с возвращением, а все потому, что, взглянув на восток вдоль Ла-Манша, увидел, как начинается восход солнца. Пока воздух был еще пуст и безмятежен, оранжевое солнце спокойно и методично извлекало себя из вязкой желтой полосы горизонта. Проссер следил за его неспешным появлением. Подчиняясь выработанному практикой инстинкту, он каждые три секунды резко вертел головой, но, оказавшись

поблизости немецкий истребитель, Проссер вряд ли смог бы его засечь. Вниманием его полностью завладело встающее из моря солнце: самодовольное, неумолимое, почти комичное.

Когда, наконец, этот оранжевый шар чинно уселся на грядку отдаленных волн, Проссер отвел взгляд. К нему вернулась бдительность: в ясном утреннем воздухе его черный самолет сделался уязвимым, как северный пушной зверь, которого в шкуре ненадлежащего окраса застучала смена времен года. Выполняя вираж и поворот, вираж и поворот, Проссер мельком увидел под брюхом самолета длинную дорожку черного дыма. По всей вероятности, там терпело бедствие одинокое судно. Он тут же начал снижаться к поблескивающим миниатюрным волнам и наконец разглядел идущий курсом на запад крутобокий сухогруз. Но черный дым развеялся и, судя по всему, ничего страшного не произошло; вероятно, кочегары всего лишь взбодрили огонь в топке.

На высоте восьми тысяч футов Проссер выровнял машину и лег на новый курс к базе. Как и экипажи немецких бомбардировщиков, на полпути через Ла-Манш он позволил себе помечтать о чашке горячего кофе и сэндвиче с беконом, которые причитались ему после опроса. Но тут случилось нечто. Скорость его снижения загнала солнце обратно за горизонт, и, посмотрев на восток, Проссер увидел, как оно восходит заново: то же самое солнце вставало на том же самом месте за тем же самым морем. И, вновь махнув рукой на бдительность, он засмотрелся: оранжевый шар, желтая полоса, кромка горизонта, безмятежный воздух и плавное, невесомое возвышение солнца, повторно встающего из волн за одно утро. Это было незабываемое обыкновенное чудо.

1

Ты спрашиваешь, что такое жизнь? Это все равно что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка, и больше ничего не известно.

А. П. Чехов. Письмо Ольге Книппер от 20 апреля 1904 г.

Многие считали, что взгляд на девяносто лет в прошлое требует изрядного усилия. Туннельного зрения, предполагали они; будто через соломинку. Но дело обстояло иначе. Иногда прошлое снимали ручным аэрофотоаппаратом; иногда оно чудовищно вздымалось в своде авансцены с лепными гирляндами и обвисшими кулисами, а иногда текло легко, словно любовная история эпохи немого кино: трогательная, размытая и совершенно неправдоподобная. Но бывало и так, что из памяти удавалось извлечь только последовательность неподвижных кадров.

История с дядюшкой Лесли, самая первая в ее жизни История, разворачивалась в виде серии диапозитивов проекционного фонаря. Тонированная нравственность; обаятельный усатый злодей. Исполнилось ей семь лет; наступило Рождество; Лесли был ее любимым дядей. На диапозитиве № 1 показано, как он наклоняется с высоты своего великанского роста для вручения подарка. Гиацинты, шепнул он, передавая ей горшочек телесного цвета, увенчанный колпаком из грубой оберточной бумаги. Поставь их в сушильный шкаф и дождись весны. Но ей-то не терпелось их увидеть прямо сейчас. Ну, вряд ли они уже проросли. Откуда ему было знать? Позже Лесли тайком отвернул уголок грубой обертки и позволил ей заглянуть

внутри. Вот неожиданность! Они уже проклюнулись. Четыре острых желто-бурых ростка величиной с ноготок. Дядюшка Лесли нехотя усмехнулся, как поступают взрослые под впечатлением от ребенка, который неожиданно превосходит их знаниями. В таком случае, объяснил он, тем более не надо повторно тревожить их до весны; от избытка света они, чего доброго, слишком быстро пойдут в рост и захиреют.

Убрав гиацинты в сушильный шкаф, Джин стала ждать развития событий. Мыслями она часто возвращалась к этим росткам, сгорая от желания узнать, как выглядит цветок гиацинта. Далее — слайд № 2. В конце января она взяла фонарик и пришла в ванную комнату, там выключила свет, достала сверху горшок, открыла заглушку крошечного смотрового отверстия, направила туда фонарик и поспешила заглянуть внутрь. Четыре обнадеживающих ростка были на месте, однако по-прежнему оставались высотой с ноготок. Ну, по крайней мере, свет, который она впустила на Рождество, не причинил им вреда.

Ближе к концу февраля она подглядела еще раз; судя по всему, период роста еще не начался. Через три недели по пути в гольф-клуб к ним заехал дядюшка Лесли. За обедом он разговорчески повернулся к ней и спросил:

— Ну как, малютка Джини, окрасились ли гиацинты рождественским гиацинтовым цветом?

— Ты же мне запретил смотреть.

— И то верно. И то верно.

Она вновь подглядела в конце марта, затем (диапозитивы с № 5 по № 10) второго, пятого, восьмого, девятого, десятого и одиннадцатого апреля. Двенадцатого числа ее мама согласилась на более тщательный осмотр горшка. Они разложили на кухонном столе вчерашний номер «Дейли экспресс» и аккуратно сняли оберточную бумагу. Четыре желто-бурых ростка несколько не вытянулись. Миссис Сарджент как-то смутилась:

— Думаю, лучше нам их выбросить, Джин.

Взрослые вечно все выбрасывали. В этом определенно заключалось их существенное отличие. Дети предпочитали все хранить.

— Может, они хотя бы корешки пустили. — И Джин принялась раскапывать плотно утрамбованную торфянистую почву вокруг ростков.

— Я бы не стала этого делать, — сказала мама.

Но было поздно. Одну за другой Джин выкопала четыре перевернутые острием вверх «тишки» — деревянные подставки под мячи для гольфа.

Как ни странно, ее вера в дядю от этой Истории не пошатнулась. Пошатнулась только ее вера в гиацинты.

Оглядываясь в прошлое, Джин допускала, что в детстве у нее, по всей видимости, была компания; но она не могла вспомнить ни особо доверенную подругу с кривой усмешкой, ни игру на детской площадке, требовавшую желудей и скакалки, ни секретные записочки, передаваемые по измазанным чернилами партам в деревенской школе с высеченной в камне грозной надписью над дверью. Наверное, все это у нее было; а может, и нет. Задним числом стало ясно, что детскую компанию целиком заменял ей дядюшка Лесли. У него были кудрявые, щедро набриолиненные волосы и темно-синий блейзер с нагрудным карманом, украшенным полковой нашивкой. Он умел сворачивать винные бокалы из серебряной фольги от плиток шоколада и, собираясь в гольф-клуб, каждый раз приговаривал: «заскочить в Старый Зеленый Рай». За такого, как дядя Лесли, она бы согласилась выйти замуж.

Вскоре после Истории с гиацинтами дядюшка начал брать ее с собой в «Старый Зеленый Рай». По приезде он обычно сажал ее на замшелую скамью возле автостоянки и с притворной строгостью наказывал охранять его клюшки.

— Схожу промыть за стариковскими ушами.

Минут через двадцать они дружно выдвигались к зоне „ти“: дядя Лесли, распространяя вокруг себя пивной дух, тащил клюшки, а Джин несла на плече — всегда наготове — лопатку для бункера. Это была выдуманная дядюшкой примета: чтобы в них не ударила молния и чтобы сам он не угодил в ловушку-бункер.

— Головку лопаты тащить по земле нельзя, — наставлял он, — не то песка полетит больше, чем ветренным днем в пустыне Гоби.

И она несла лопатку на плече правильно — как винтовку. Однажды, устав при подъеме вверх по склону к пятнадцатой лунке, она протащила лопатку по земле, сбив подставку для мяча, и второй удар дядюшки пришелся аккурат в бункер на расстоянии пятнадцати ярдов.

— Все из-за тебя, — сказал он, хотя с виду был не столько сердит, сколько доволен. — За это проставишься на девятнадцатой.

В разговорах с ней дядя Лесли частенько говорил загадками, но она делала вид, будто все понимает. Известно же, что на поле для гольфа только восемнадцать лунок, да еще и уметь надо... как там?.. «проставиться», но она кивала, словно это для нее привычное дело — проставляться на девятнадцатой. Когда она выросла, кто-то объяснил ей этот код; но до поры до времени она была вполне счастлива в своем неведении. Впрочем, кое-какие обрывки фраз уже различала. Если мяч своевольно улетал в рощу, Лесли иногда бормотал: «Пусть катится к гиацинтам» — единственное с его стороны упоминание о том рождественском подарке.

Но реплики его по большей части оказывались выше ее понимания. Как-то раз они вдвоем целеустремленно шагали по фервею: он — с полной сумкой клюшек, негромко постукивающих рукоятками из орехового дерева, она — с лопаткой для бункера в согнутых руках. Джин было запрещено разговаривать: дядя Лесли объяснил, что болтовня отвлекает его от мыслей о следующем ударе. Ему, со своей стороны, разговаривать не возбранилось; и пока они шагали к белеющей вдалеке штуковине, которая иногда оказывалась конфетной оберткой, он время от времени останавливался и склонялся над Джин, чтобы нашептать ей свои тайные думы. У пятой лунки он поведал, что помидоры вызывают рак и что солнце никогда не заходит над Британской империей; у десятой лунки она узнала, что бомбардировщики — гаранты будущего, а старый Муссо, даром что макаронник, знает все ходы и выходы. Однажды, когда они помедлили на короткой двенадцатой (беспрецедентное действие на лунке пар-3), Лесли мрачно объяснил:

— К тому же нашему иудею гольф не по нутру.

Затем они продолжили путь к бункеру слева от грина, и Джин про себя повторяла эту неожиданно дарованную ей истину.

Ей нравилось ездить в Старый Зеленый Рай; там случались всякие происшествия. Однажды дядя Лесли, тщательнее обычного помыв у себя за ушами, прошелестел в глубокий раф рядом с четвертой лункой. Ей было приказано отвернуться, но она не могла не услышать продолжительный плеск, отличавшийся поразительной громкостью и множеством скрытых смыслов. Приподняв локоть (это не считалось подглядыванием), она заметила над высокими, до пояса, папоротниками столбик пара.

После этого был выполнен фокус Лесли. Между девятым гринном и десятой ти, в окружении молодых белых березок стояла деревянная будочка — ни дать ни взять скворечник для птиц-чудовищ. Здесь, если ветер дул в нужном направлении, дядюшка Лесли иногда показывал свой фокус. Из кармана твидового пиджака с кожаными вставками на локтях он доставал сигарету, клал ее себе на колено, совершал над ней пассы ладонями, как заправский фокусник, зажимал ее губами и чиркал спичкой, медленно подмигивая Джини. Сидя рядышком, она старалась не фыркать и не пыхтеть. Пыхтелки и фыркалки любой фокус портят, говаривал дядюшка Лесли, а ерзалки — тем более.

Через минуту-другую она отваживалась покоситься, стараясь не делать резких движений. На сигарете было с дюйм пепла, а дядюшка Лесли делал очередную затяжку. При следующем ее взгляде голова его уже была слегка запрокинута назад, а из пепла состояла добрая половина сигареты. С этого момента дядюшка Лесли на племянницу не смотрел, зато становился в высшей степени сосредоточенным и при каждой затяжке чуть-чуть отклонялся назад. Наконец голова у него оказывалась под прямым углом к позвоночнику, а сигарета теперь вся состояла из пепла, кроме последнего полудюйма, за который Лесли удерживал ее губами, возвращаясь в вертикальное положение относительно крыши гигантского скворечника. Это означало, что фокус удался.

Затем он протягивал левую руку и касался ее локтя; она беззвучно вставала, стараясь не дышать, чтобы невзначай не запыхтеть и не фыркнуть, тем самым сдув пепел на пиджак Лесли с кожаными вставками на рукавах, и шла дальше, к десятой ти. Через пару минут к ней присоединился, еле заметно улыбаясь, Лесли. Она никогда не спрашивала, как он выполняет свой фокус; наверное, думала, что ответа не получит.

Помимо этого, они еще горланили. Это всегда происходило в одном и том же месте — на лужайке, за треугольником влажных пахучих берез, которые пробивали себе путь к четырнадцатой лунке-доглег. Каждый раз, когда драйв дяди Лесли отклонялся от своей траектории сильным слайсом, им приходилось прочесывать наименее посещаемую часть роши, где древесные стволы поросли мхом, а землю толстым слоем покрывали букковые орешки. В первый раз они остановились перед приступкой изгороди, которая, невзирая на многодневную сушь, оказалась склизкой. По приступке они перелезли через ограду и продолжили поиск на первых же ярдах сбегającego вниз луга. После бесцельного шарканья туфлями и разгребания листвы клюшкой Лесли нагнулся и сказал:

— Не погорланить ли нам от души?

В ответ она улыбнулась. Ясно же, что в таких случаях именно это и положено делать — горланить от души. Досадно ведь, когда не можешь отыскать мяч. Лесли продолжил:

— Как проорешься по самое не могу — падай. Таковы правила.

Потом они, закинув головы, стали орать на небо: у дяди Лесли ор получался низкий и хриплый, как у выезжающего из туннеля поезда; у Джин, не уверенной, надолго ли ее хватит, — тоненький и дрожащий. Орать полагалось с открытыми глазами (очевидно, таково было неозвученное правило), пристально вглядываясь в небеса, чтобы подбить их ответить на твой вызов. После требовалось сделать второй вдох и снова орать, уже более уверенно и настойчиво. Потом опять — и в паузах, предназначенных для очередного вдоха, усиливались и ревели издаваемые дядей Лесли паровозные шумы; а под конец внезапно накатывало изнеможение, вопля в тебе не оставалось,

и бессилие валило тебя на землю. Не будь это предписано правилами, она бы все равно рухнула; усталость морским прибоем утюжила ее тело.

Когда дядя Лесли с глухим стуком шлепнулся в нескольких ярдах от нее, оба они вперились параллельными зыбкими взглядами в безмятежное небо. На полпути к поднебесью еле заметно перемещались, будто против своей воли, немногочисленные мелкие облачка; но, возможно, даже это движение приписывали им две отдувающиеся фигуры, распластанные на земле. В правилах наверняка оговаривалось, что отдуваться можно сколь угодно тяжело.

Через некоторое время она услышала, как Лесли закашлялся.
— Что ж, — сказал он, — позволю-ка я себе фри-дроп.

И они двинулись обратно тем же путем: через осклизлую приступку по хрустящим буковым орешкам на угол четырнадцатой лунки, где дядя Лесли, оглядевшись, не шпионит ли кто, большим пальцем спокойно вдавил в фервей подставку для мяча, со щелчком опустил на нее сверху новенький сверкающий мяч и зафитил его на грин клюшкой «брасси» — сотни на две ярдов. Притом, что обгорланился до упаду, подумала Джин.

Орать они ходили, только когда после удара Лесли по лежащему на «тишке» мячу тот слишком уж сильно отклонялся вправо, что, похоже, случилось лишь на безлюдном поле. Да и то не каждый раз, потому как после первого такого эпизода у Джин начался коклюш. В качестве настоящей Истории коклюш не засчитывался, но засчитывалось другое событие: дядюшка Лесли разжился деньгами. А точнее сказать, засчитывались последствия этого события.

Лесли забежал к ним на четвертый день ее болезни, когда она лежала в постели, время от времени издавая гортанный клекот какой-то экзотической птицы, затерявшейся в чужом небе. Присев на кровать в своем блейзере с полковой нашивкой, слегка попахивая, как после мытья за ушами, дядя зашептал — вместо того чтобы осведомиться о ее самочувствии:

— Ты ведь им не рассказывала, как мы горланим?

Еще чего.

— Видишь ли, это секрет. Преотличный секрет, как мне кажется.

Джин кивнула. Секрет был необыкновенно хорош. Но, по всей видимости, из-за этих воплей ее и настиг коклюш. Мама всегда наказывала ей беречься от перевозбуждения. Возможно, теми воплями она перевозбудила себе горло и в результате стала заходиться кашлем. Дядюшка Лесли сидел с подавленным видом, будто подозревая, что тут есть и его вина. Он даже слегка заерзал, когда у нее вырвался очередной клекот перепуганной птицы.

Через два дня миссис Сарджент с недовольным, но обреченным видом положила на край кровати Джин зимнее белье, затем платье из толстой ткани, зимнее пальто, шарф и плед.

— Собирайся. Дядя Лесли раскошелился.

Дядя Лесли, как обнаружила Джин, раскошелился даже на такси. В такси ей довелось прокатиться впервые в жизни. По пути на аэродром она всеми силами скрывала перевозбуждение. В Хендоне мама не стала выходить из машины. Держась за отцовскую руку, Джин выслушивала объяснения насчет деревянных деталей самолета «де хэвилленд», изготовленных из канадской ели. Древесина у канадской ели, рассказывал отец, очень твердая, почти как металл, поэтому беспокоиться не о чем. Она и не беспокоилась.

Шестидесятиминутная воздушная экскурсия: обзор достопримечательностей Лондона, вылет в начале каждого часа. Среди дюжины пассажиров было еще двое детей, упакованных — наподобие свертков — в пледы, хотя стоял еще август; не иначе как их дядюшки тоже разжились деньгами. Папа сидел у прохода и остановил ее, когда она попыталась через него перегнуться и посмотреть, что происходит в салоне: цель полета, объяснил он, лечебная, а не познавательная. На протяжении всей экскурсии он, вцепившись в колени, сверлил взглядом спинку находившегося перед ним плетеного кресла. Казалось, он сам вот-вот перевозбудится. Когда «де хэвилленд» накренился, Джин увидела за его округлыми двигателями и пересечением стоек шасси некое подобие Тауэрского моста. Она повернулась к папе.

— Ш-ш-ш, — одернул он ее. — Я сосредоточен на твоём исцелении.

Только через год они с дядюшкой Лесли вновь отправились погорланить. Приехали, конечно же, в Старый Зеленый Рай; но каким-то чудом дядюшкины дальние удары от четырнадцатой лунки-доглег обрели невиданную точность. Когда наконец следующим летом он бабахнул головкой клюшки по морде мячика, выполнив небывало высокий завывающий слайс, создалось впечатление, будто мяч твердо знает, куда ему полагается лететь. Они тоже это знали: вдоль длинного рафа, через влажный березняк, над осклизлой приступкой — и к сбегавшей под гору лужайке. Огласив летнее тепло своими воплями, они бухнулись навзничь. Джин поймала себя на том, что всматривается в небо: нет ли там аэропланов. Она вращала зрачками, и обзор доходил до самого краешка ее поля зрения. Никаких облаков, никаких аэропланов: можно было подумать, они с дядюшкой Лесли своим шумом опустошили небо. Ничего, кроме синевы.

— Ну что ж, — сказал Лесли, — позволю-ка я себе фридроп.

Они не искали мяч, пока шли через рощу; не стали утруждаться и на обратном пути.

В их третьем походе с целью погорланить присутствовал самолет. Джин его даже не заметила, пока их вопли сотрясали поднебесье, но, когда, отдуваясь, они лежали навзничь, она уловила какое-то жужжание. Слишком ровное, чтобы исходить от насекомого; звучавшее где-то рядом и одновременно вдалеке. Оно обнаружило себя — кратко и более шумно — между парой облаков, стихло и обозначилось вновь, а потом неспешно поплыло к горизонту, теряя высоту. Джин представила себе округлые двигатели, поскрипывающие стойки шасси и упакованных, как свертки, детей.

— Когда Линдберг летел через Атлантику, — заметил с расстояния в несколько футов Лесли, — он взял в дорогу пять бутербродов. Но съел только полтора.

— А остальные куда делись?

— Какие остальные?

— Остальные три с половиной.

Дядюшка Лесли поднялся с земли — вроде бы в дурном расположении духа. Ей, видимо, не позволялось подавать голос, хотя они и находились не на фервее. Наконец, когда они шаркали по буковым орешкам, теперь уже пытаюсь найти мяч, Лесли досадливо пробормотал:

— Они, надо думать, отправились в бутербродный музей.

Бутербродный музей, подивилась про себя Джин: разве такие бывают? Но ей хватило ума не задавать больше вопросов. И постепенно, через пару лунок, настроение у дяди улучшилось. На семнадцатой, после быстрого взгляда в обе стороны фервея, он вновь проникся заговорщическим духом.

— Сыграем в шнурки?

Никогда прежде он не упоминал такую игру, но Джин сразу согласилась.

Дядюшка Лесли демонстративно выполнил удар через короткий раф. Когда они поравнялись с мячом, дядюшка наклонился, чтобы снять свои коричневые с белым туфли-соответчики. Свободные концы шнурков он уложил крестом на середину стельки, посмотрел на Джин и кивнул. Та, сняв свои черные прогулочные башмаки, сделала то же самое. У нее на глазах он с комичной педантичностью протолкнул сначала пальцы, а потом и всю стопу обратно в туфли. Она сделала то же самое; он подмигнул, опустил на одно колено, словно делая ей предложение, погладил ее по икроножной мышце и медленно вытянул оба шнурка из-под ее мягкой левой подошвы. Джин захихикала. Ощущение было восхитительное. Сначала чуть-чуть щекотно и постепенно все сильнее, и волна удовольствия хлынула вверх, до самого желудка. Джин зажмурилась, а дядюшка Лесли дразняще высвободил шнурки из-под ее правой ступни. С закрытыми глазами получилось еще лучше.

Затем наступил его черед. Она присела на корточки у его ног. С близкого расстояния туфли его казались громадными. Носки слегка попахивали скотным двором.

— Мне — по одному, — шепнул он, и она ухватилась за первый шнурок рядом с тем местом, где он исчезал в своей дырочке.

Потянула; ничего не случилось; потянула более резко; дядя шевельнул ступней, и внезапно шнурок высвободился.

Барнс Дж.

Б 25   Глядя на солнце ; История мира в 10¹/₂ главах ; Англия, Англия : романы / Джулиан Барнс ; пер. с англ. В. Бабкова, Е. Петровой, С. Силаковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32715-3

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — современный английский классик, «самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм» (*The Scotsman*) — в январе 2026 года отметил 80-летие выходом своей новой (и, возможно, последней) книги «Исход(ы)». Данный том объединяет три классических романа «лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов» (*The Independent*), и один из них — в новом переводе. Вашему вниманию предлагаются: «Глядя на солнце» — «поразительное литературное открытие» (Карлос Фуэнтес) и «гимн человеческому воображению» (*Chicago Sun-Times*); «История мира в 10¹/₂ главах» — «блестящий, уморительный, глубокий роман, не признающий авторитетов, — и просто восхитительное чтение» (Салман Рушди); и «Англия, Англия» — «блестящая фантазия, достойная пера самого Свифта» (*Economist*). Здесь Барнс говорит голосом насекомого, «зайцем» проникшего на Ноев ковчег, и астронавта, отправляющегося искать этот ковчег на гору Арарат; здесь на острове Уайт собирается все, что олицетворяет в глазах мира добрую старую Англию; здесь над Ла-Маншем пилот «харрикейна» дважды наблюдает восход солнца.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖУЛИАН БАРНС
ГЛЯДЯ НА СОЛНЦЕ
•
ИСТОРИЯ МИРА В 10 1/2 ГЛАВАХ
•
АНГЛИЯ, АНГЛИЯ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 25.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-42027-01-R